

УДК 347.1

ИНСАЙДЕРСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

А. Ф. Ахмадуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Формирование нового для российского законодательства правового режима инсайдерской информации, недостаточность цивилистических исследований в данной области отношений предопределяют необходимость обращения к гражданско-правовой характеристике инсайдерской информации. В статье впервые выявлено гражданско-правовое значение инсайдерской информации. Показана научная и методологическая ценность анализа объекта гражданских прав – инсайдерской информации – через признаки дискретности, юридической привязки, системности, легализации, способности обеспечивать имущественные интересы субъектов. Раскрыто содержание субъективного гражданского права на инсайдерскую информацию. Определена оборотоспособность инсайдерской информации. Сделан вывод о том, что инсайдерская информация имеет специальный гражданско-правовой режим, осложнённый межотраслевыми связями. Эффективность правового регулирования отношений, связанных с противодействием неправомерному использованию инсайдерской информации, достигается тогда, когда обеспечивается баланс интересов как инвесторов, так и самих инсайдеров.

Ключевые слова: инсайдерская информация, инсайдер, объект гражданских прав, дискретность, юридическая привязка, системность, гражданский оборот

Информационная асимметрия на организованных рынках является следствием неравного доступа к информации, способной в случае раскрытия существенно повлиять на динамику котировок. В 2010 г. в России был сформирован правовой режим **инсайдерской информации – достоверных сведений, раскрытие которых может оказать существенное воздействие на цены финансовых инструментов, иностранной валюты, товаров, обращаемых на организованном рынке** (см. п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (224-ФЗ)). Значение данной информации заключается в том, что, находясь непродолжительное время в ограниченном доступе, в случае раскрытия она оказывает влияние на поведение инвесторов, следствием чего является активное совершение сделок, влекущее существенное повышение/понижение цен на объекты биржевой торговли. В результате одни субъекты (инсайдеры), имея доступ к такой информации

ввиду служебного и иного привилегированного положения, используют эти сведения при совершении сделок на организованных торгах; успевая вовремя совершать сделки, они получают колоссальную выгоду или избегают значительных потерь. Для остальных участников рынка информация раскрывается значительно позже, и они лишены возможности осуществить торговлю по объективной рыночной цене, поэтому терпят убытки. В конечном счёте нарушаются основы справедливой конкуренции, подрывается доверие инвесторов.

Центральным регулятором [1, с. 191; 2, с. 134] отношений, связанных с обращением инсайдерской информации, стал Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Целями установления в отношении инсайдерской информации специального правового режима являются своевременное раскрытие инсайдерской информации и противодействие её неправомерному использованию. Они предопределяются необходимостью обеспечить взаимосвязанные частные имущественные интересы участников рынка и публичные интересы государства. Частный интерес инвесторов выражен в получении имущественной выгоды от совершения сделок с объектами биржевой торговли на основе достоверной, полной информации, способной повлиять на цены данных объектов. Кроме того, равенство инвесторов достигается и за счёт запретов на использование инсайдерской информации до её раскрытия. Обеспечение же публичных интересов обусловлено удовлетворением частных интересов, поскольку создание равных условий доступа к ключевой информации, информационная прозрачность и борьба с инсайдерской торговлей служат условиями повышения инвестиционной привлекательности и эффективности экономики в целом.

Поскольку участники правоотношений на организованном рынке осуществляют торговлю объектами гражданских прав на основе диспозитивности, автономии воли, юридического равенства и на иных гражданско-правовых началах, первоочередное значение приобретает вопрос о том, насколько инсайдерская информация интегрируется в систему соответствующих гражданских правоотношений. Ограниченность доступа к инсайдерской информации, её значимость для принятия инвестиционных решений, отнесённость к объектам биржевой торговли обуславливают постановку вопроса о гражданско-правовом значении данной информации, выраженном прежде всего в наличии таких признаков, которые в совокупности своей характеризовали бы инсайдерскую информацию в качестве объекта гражданских прав. Гражданско-правовая характеристика инсайдерской информации включает и определение возможностей субъектов, обладающих информацией, а также гражданско-правовые последствия её использования.

Цивилистическое представление об объектах гражданских прав ярко выражено в работах Д.Д. Гримма [3], В.И. Сенчищева [4], Л.А. Чеговадзе [5, с. 179–216], В.А. Белова [6, с. 9–42] и др. Развитие теории объектов гражданских прав не может происходить без уяснения того, какие именно явления реальной действительности являются объектами гражданских прав. Представители **монистической концепции** выделяют один объект гражданских прав, различающийся внутри этого направления. Так, сторонники *вещной теории* (К.О. Берновский,

С.Н. Братусь, Р.О. Халфина и др.) под объектом гражданских прав (правоотношений) понимали вещи – предметы материального мира (см., например, [7, с. 214]). Противоположной является *поведенческая теория* Э.Р. Бирлинга [8], идеи которого развивали Л.И. Петражицкий, Я.М. Магазинер и др. Согласно ей объектом гражданского правоотношения может быть только поведение людей, направленное на изменение состояния предметов материального мира. Данная теория не раз подвергалась критике [9, с. 139, 147–148; 10, с. 93], и впоследствии О.С. Иоффе пересмотрел её, предложив учитывать три объекта правоотношения: юридический (поведение, действие), материальный (вещь) и волевой (воля) [11].

Сегодня в цивилистике превалирует теория множественности объектов гражданских прав [12–13], или **комплексная концепция**, предусматривающая двухуровневое строение: объект – поведение субъектов правоотношения; объект – имущественные и неимущественные блага, на которые направлено поведение субъектов правоотношения. В условиях усложнения и дифференциации гражданского оборота и вовлечения в него таких специфичных объектов, как, например, энергия, информация, необходимо учитывать их особые свойства и определять их интегрированность в систему гражданского права.

Объекты гражданских прав в объективном смысле – абстракции, отражающие обобщённые признаки материальных, нематериальных благ и различных правовых явлений, по поводу которых могут возникать гражданско-правовые отношения. Когда указанный в нормах права объект воплощается в конкретных отношениях, он становится объектом гражданского правоотношения, являясь в нём одновременно объектом субъективных гражданских прав и обязанностей. Объектами гражданских правоотношений являются реально существующие материальные и нематериальные блага, а также направленное на эти блага поведение. При этом, даже если тот или иной объект, по поводу которого возникают правоотношения, отсутствует в нормативно закреплённом перечне объектов гражданских прав, он всё равно будет таковым являться в том смысле, в каком ему отводится **гражданско-правовое значение** [14, с. 90]. Гражданско-правовое значение выражается прежде всего в охраноспособности объекта, в его участии в гражданских правоотношениях, в способности удовлетворять интересы субъектов. Примером непоименованного объекта гражданских прав является информация. Сложность определения её места в системе объектов гражданских прав обусловлена необходимостью поиска таких её признаков, которые бы в достаточной мере раскрывали это гражданско-правовое значение.

При исследовании любых юридических категорий необходимо не только дать им универсальное научное определение, но и привести такие признаки, которые бы раскрыли сущность анализируемого объекта и позволили чётко отличить его от других объектов. Среди всего многообразия выделяемых в науке признаков объектов гражданских прав мы попытаемся определить наиболее существенные, то есть проявляющиеся вне зависимости от аспектов рассмотрения объекта, и охарактеризовать инсайдерскую информацию через её соответствие этим признакам.

Любой объект гражданских прав как определённое благо так или иначе связан с категориями *потребность* и *интерес*. Связь юридического понятия *объект гражданских прав* и экономического термина *благо* подметил ещё

Г.Ф. Шершеневич [15, с. 74]. Авторы большинства работ классической и современной цивилистики при раскрытии понятия *объект гражданских прав* используют понятие *благо*, которое связывают со **способностью объекта служить удовлетворению человеческих потребностей**. При соотнесении категорий *объект гражданских прав*, *потребность*, *интерес* стоит обратить внимание на то, что вторая – потребность – является больше психофизиологической, поскольку характеризует объективную необходимость человека в обеспечении условий, поддерживающих его жизнедеятельность [16, с. 13]. С точки зрения права лучше использовать термин *интерес*. Как писал В.П. Грибанов, отражённые в сознании человека потребности, принимающие форму сознательных побуждений, определяющих направление и волевой характер деятельности человека, приобретают в науке значение категории интереса [17, с. 239]. Характеризуя объект прав, Г.Ф. Шершеневич понимал под ним всё то, что может служить средством осуществления интереса [15, с. 74, 127]. Субъективную сторону интереса Ф.О. Богатырёв определяет в качестве «психической настроенности субъекта интереса по адресу какого-либо объекта (явления), его устремлённости обладать теми или иными объектами окружающей действительности (или каким-либо образом соприкасаться с ними) либо познать объекты (явления) действительности» [18, с. 35]. В обладании тем или иным объектом гражданских прав лежит определённый частный интерес, осуществление которого выступает целью, а объект – средством.

Имущественный интерес, осуществляемый посредством обладания инсайдерской информацией, обусловлен главным её сущностным признаком – способностью оказывать существенное влияние на цены объектов гражданских прав в случае раскрытия [19]. При этом имущественный интерес может проявляться как в увеличении имущества, так и в его сохранении. С позиции учения о благах К. Менгера [20, с. 107] инсайдерская информация как редкий ресурс, ограниченный в обращении, является экономическим благом. В отличие от объектов вещных прав, ценность которых выражена в возможности непосредственного владения, пользования и (или) распоряжения ими [21, с. 91], инсайдерская информация как нематериальный объект приобретает экономическую ценность в случае её использования при совершении определённых активных (например, совершение сделок с объектами гражданских прав, с которыми связаны последствия раскрытия информации) или пассивных (например, воздержание от совершения заведомо невыгодных сделок) действий. Таким образом, инсайдерской информации присущ один из признаков объектов гражданских прав – способность обеспечивать удовлетворение имущественных интересов её обладателей (признак экономической ценности).

В дальнейшем анализе инсайдерской информации как объекта гражданских прав будем опираться на универсальную методологию В.А. Лапача, предложившего идентифицировать объекты гражданских прав путём выделения признаков дискретности, юридической привязки, системности, легализации [22, с. 14]. Попытаемся охарактеризовать интересующий нас объект сквозь призму данных качеств.

Под **дискретностью** объектов гражданских прав В.А. Лапач понимает их качественную, а также физическую и (или) учётную определённую и обособленность от других объектов [22, с. 153]. Иными словами, учитывается единство

формы объекта, выраженное в пространственной или иной обособленности, и наличие у него свойств, которые позволяют удовлетворять потребности субъектов. При этом если формальная характеристика – пространственная обособленность – таких распространённых объектов гражданских прав, как вещи, возможна в силу их физических свойств, то в отношении бестелесных объектов, каким является информация, пространственное измерение неприменимо. Как отмечает В.М. Богданов, дискретность не может являться естественным свойством информации, а относится исключительно к её правовому понятию, правовой характеристике и служит для разделения правоотношений, возникающих по поводу информации, на классы и для индивидуализации правоотношений, принадлежащих к одному классу [23, с. 69].

Для решения вопроса о наличии у инсайдерской информации свойства дискретности мы должны установить, способна ли такая информация быть обособленной от других видов информации, и если да, то на основании каких критериев. Перечень сведений, относимых к инсайдерской информации, установлен нормативно, исходя из субъектного критерия. На основании нормативно определённого списка инсайдерской информации субъекты на локальном уровне принимают собственные перечни, где прямо обозначено, *что* является их инсайдерской информацией. Если опираться исключительно на такой формальный подход, то для целей выявления и обособления инсайдерской информации из всего множества сведений необходимо установить тождественность конкретной информации, возникающей в предпринимательской деятельности субъектов, и информации, признаваемой в качестве инсайдерской императивными нормами [19, с. 27–28]. Однако данный подход имеет недостатки, поскольку не учитывает всего многообразия сведений, которым присущ главный качественный признак инсайдерской информации – *способность оказывать существенное воздействие на биржевые цены*. Именно этот признак даёт основания включить сведения, способные значительно повлиять на рыночную конъюнктуру, в перечень инсайдерской информации.

Юридическая привязка – нормативно гарантированная возможность правового закрепления объектов за субъектами гражданского права [22, с. 170]. Необходимость введения данного признака обусловлена тем, что юридическая привязка обеспечивает правовое связывание объектов гражданских прав с носителями субъективных прав, создавая ту самую несвободность предметов внешнего мира, которая и выступает предпосылкой господства лиц. Формы правовой связи различны, В.А. Лапач относит к ним и такие, которые не обязательно трансформируются в субъективное право («возможное правообладание», «правоожидание» объектов [22, с. 172]). Самой распространённой формой юридической привязки является субъективное право. Однако характерное для большинства вещных и исключительных прав традиционное понимание юридической привязки в статике имущественных правоотношений через конструкцию *субъективное право* применительно к инсайдерской информации имеет свои особенности. В первую очередь стоит отметить комплексность правоотношений, связанных с инсайдерской информацией, и вытекающую отсюда дифференцированную характеристику субъективного гражданского права (в зависимости от абсолютности и относительности правоотношений) на инсайдерскую

информацию. Так, К.М. Арсланов убедительно показывает комплексную абсолютно-относительную природу правовых связей в рамках отдельных гражданских правоотношений (например, арендных отношений, отношений ввиду создания и использования объектов интеллектуальной деятельности) [24, с. 72–74]. В отношениях, связанных с информацией, также ясно прослеживается подобная двойственность.

В силу невозможности обособить информацию от её носителя, каким выступает неодушевлённый предмет либо одушевлённый субъект, юридически значимая связанность обнаруживается при определении круга субъектов, которые информацией обладают. Инсайдерская информация возникает в результате человеческой деятельности, поэтому всегда есть хотя бы один обладающий ею субъект – инсайдер. Абсолютное субъективное гражданское право инсайдера на информацию уникально в том смысле, что, будучи значительно ограниченным императивными нормами, оно сводится к возможности осуществления отдельных правомочий, не запрещённым законом [25]. Императивная норма ст. 6 Закона об инсайдерской информации очерчивает формы неправомерного использования инсайдерской информации, оставляя на усмотрение обладателя совершение всех иных действий по её *правомерному* использованию (224-ФЗ).

Содержание субъективного права инсайдера на инсайдерскую информацию обусловлено правовым статусом инсайдера. Так, одни инсайдеры являются первичными обладателями инсайдерской информации, поскольку информация впервые возникает в результате осуществления ими предпринимательской и иной деятельности. Таковыми, например, являются эмитенты, субъекты, занимающие доминирующее положение на рынке, организаторы торговли. Для вторичных инсайдеров доступ к инсайдерской информации носит производный характер, поскольку они получают сведения от первичных инсайдеров на различных основаниях как частноправовой (заключение гражданско-правового договора, предусматривающего доступ к инсайдерской информации, вхождение в совет директоров акционерного общества), так и публично-правовой природы (привлечение первичного инсайдера к административной ответственности и т. д.). Абсолютный характер субъективного права первичного инсайдера на инсайдерскую информацию предполагает возможность использования и передачи информации на условиях, не противоречащих установленным запретам. К примеру, инсайдерскую информацию о предстоящем заключении крупного инвестиционного договора эмитент – первичный инсайдер – как субъект предпринимательской деятельности может использовать для целей бухгалтерского, налогового учёта, для планирования, организации своей деятельности, материальных поощрений в рамках трудовых отношений и т. д. Предоставляя эту же информацию информационному агентству для раскрытия, первичный инсайдер приобретает относительное право требования своевременного распространения сведений, сохранения их конфиденциальности до раскрытия. Соответствующие обязанности возникают у информационного агентства как вторичного инсайдера.

Закрепление обязанностей первичных инсайдеров по своевременному раскрытию инсайдерской информации даёт возможность утверждать, что инвесторы как участники организованного рынка обладают субъективными правами на получение инсайдерской информации. Данный тезис увязывается с принципами

обеспечения добросовестной конкуренции, равенства прав инвесторов, информационной обеспеченности гражданского оборота на организованном рынке. Несвоевременное раскрытие инсайдерской информации, а также её нераскрытие влекут за собой неблагоприятные имущественные последствия для инвесторов, ввиду чего встаёт вопрос о необходимости создания правовых механизмов гражданско-правовой ответственности инсайдеров за соответствующие правонарушения.

Таким образом, юридическая привязка как признак инсайдерской информации приобретает публично-правовое значение в том смысле, что позволяет установить круг субъектов, которым известна или может быть известна инсайдерская информация, возложить на них запреты и обязанности по её раскрытию. Гражданско-правовое значение юридической привязки *субъективное право инсайдера* заключается в том, чтобы определить возможности субъектов, обладающих инсайдерской информацией, а также содержание их субъективных прав, существенно лимитированное публично-правовыми нормами.

Системность выступает одним из определяющих признаков объекта гражданских прав. С.С. Алексеев отмечает что «системность образует главную внутреннюю согласованность права» [26, с. 10]. Интегрированность объекта права в систему основных категорий права и системное построение самих объектов [22, с. 185–190] – проявления внутриотраслевой цивилистической системности [14, с. 40–51].

Для определения интегрированности инсайдерской информации в систему гражданского права, на наш взгляд, необходимо установить взаимосвязь между инсайдерской информацией и различными сегментами гражданского права. Она проявляется на следующих уровнях: 1) инсайдерская информация и система объектов гражданских прав; 2) инсайдерская информация и отдельные институты, субинституты, нормы гражданского права. Кроме того, поскольку любое системное правовое образование в рамках одной отрасли права не может существовать автономно и испытывает постоянное воздействие внешней среды, то нельзя не исследовать и межотраслевые связи, выраженные во взаимодействии и взаимном влиянии гражданско-правовой составляющей и отдельных правовых сегментов разноотраслевой принадлежности [14, с. 34]. Важность установления межотраслевых связей применительно к такому объекту гражданских прав, как инсайдерская информация, обусловлена тем, что информация в принципе не может считаться моноотраслевым явлением. Оценка подобного объекта должна осуществляться не только с учётом норм гражданского права, но и на базе соответствующего регулирования иных отраслей права [14, с. 91].

Будучи элементом системы объектов гражданских прав, инсайдерская информация является разновидностью такого нематериального объекта гражданских прав, как информация, что, на первый взгляд, может вызвать сомнения, поскольку Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» информация была исключена из объектов гражданских прав (231-ФЗ). Е.А. Суханов справедливо подчёркивает, что не вся, а только охраноспособная информация выступает объектом имущественных гражданских прав [27]. С формальной стороны непризнание позитивным правом какого-либо блага в качестве объекта

гражданских прав – **признак легализации** – означает невозможность его отнесения к таковым, а значит, и отсутствие гражданско-правового режима в его отношении. Однако это не всегда так, поскольку в части определения объектов гражданских прав сущность объективного гражданского права выражается в том, чтобы составить примерный перечень благ, явлений, способных удовлетворить интересы субъектов и, как правило, отвечающих признакам оборотоспособности. Интенсивное развитие гражданского оборота обуславливает возникновение новых видов объектов гражданских прав, которые не всегда соответствуют видовым характеристикам классических объектов гражданских прав, закреплённых в ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Примером такого уникального объекта является энергия. Что же касается информации, то, несмотря на её отсутствие в перечне объектов гражданских прав, буквальное толкование многих статей ГК РФ (ст. 19, 131, 139, 152, 495, 495, 726, 727, 732, 774, 857, 946, 974, 1465 и др.) свидетельствует о том, что информация является объектом как абсолютных, так и относительных правоотношений. Специальный регулятор – Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» в ст. 5 в числе правоотношений, объектом которых является информация, называет гражданско-правовые (149-ФЗ).

Рассуждая об исключении информации из перечня объектов гражданских прав с позиций межотраслевого метода, М.Ю. Чельшев приходит к выводу, что, с одной стороны, подобный подход целесообразен, поскольку в числе информации оказывается множество различных сведений, не имеющих гражданско-правового значения. С другой стороны, сопоставляя информацию с денежными средствами, которые остаются в ст. 128 ГК РФ, хотя, как и информация, не могут считаться моноотраслевыми объектами, учёный совершенно обоснованно признаёт неправильность исключения информации из перечня объектов гражданских прав [14, с. 88–92]. В гражданско-правовой науке достаточно убедительно доказано, что в качестве объекта гражданских прав может выступать как информация с ограниченным доступом, так и общедоступная информация. По мнению В.М. Богданова, признаком информации как объекта гражданских прав является её неизвестность для одного, нескольких или неопределённого круга субъектов [23, с. 64].

Известный цивилист XX столетия В.И. Синайский писал: «Предмет, в отношении которого устанавливаются права и обязанности лиц, и есть объект права» [28, с. 68]. Этот тезис наводит на мысль о том, что легализация как признак объекта гражданских прав может выражаться путём закрепления того или иного объекта как в общей норме, определяющей перечень объектов гражданских прав, так и в специальных, примером чего являются вышеназванные статьи ГК РФ и гражданско-правовые нормы иных нормативных актов. Инсайдерская информация получила свою легализацию в нормах соответствующего правового регулятора частного-публичного характера.

Инсайдерская информация – благо нематериального характера, связанное с имущественным интересом. Становясь общеизвестной в результате юридической процедуры распространения, она воздействует на волю субъекта, создавая предпосылки для совершения гражданско-правовых сделок на организованном

рынке. Поскольку обладание инсайдерской информацией сопряжено с перемещением объектов гражданских прав, то их взаимосвязь носит динамический характер. Влияние инсайдерской информации связывается с таким неотъемлемым внутренним элементом сделки, как волевой акт. В.А. Ойгензихт определял волю как детерминированное и мотивированное желание лица достичь поставленной цели, как процесс психического регулирования поведения субъектов [29, с. 24]. Инсайдер, совершая сделку с объектом, связанным с инсайдерской информацией, руководствуется знаниями о грядущем существенном изменении цены на этот объект, а поэтому можно утверждать, что его воля как внутренний элемент гражданско-правовой сделки формируется в том числе под влиянием информации. Порок воли в сделке, участниками которой являются инсайдер и не-инсайдер, отсутствует, поскольку и инсайдер, и его контрагент вступают в сделку, свободно выражая свою волю. Правовое значение имеет то, что, зная информацию, не-инсайдер, сделку бы не совершил или совершил на других условиях.

Взаимосвязь инсайдерской информации и института гражданско-правовой ответственности (субинститута гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере организованного рынка) проявляется в том, что неправомерное использование инсайдерской информации приводит к возникновению убытков первичных обладателей информации и инвесторов, а значит, влечёт применение мер гражданско-правовой ответственности.

И возникновение, и передача инсайдерской информации также связываются с гражданско-правовыми отношениями. Так, большинство сведений, относимых к инсайдерской информации, возникает в результате наступления юридических фактов гражданско-правовой природы. В частности, это информация о совершении эмитентом крупной сделки, сделки с заинтересованностью (при наличии минимальных ценовых критериев). Наступление юридических фактов – оснований возникновения, изменения и прекращения корпоративных отношений тоже имеет связь с инсайдерской информацией (это касается сведений о принятых советом директоров решениях, о досрочном прекращении полномочий исполнительных органов, о заключении корпоративного договора, о появлении лица, контролирующего эмитента, и т. д.). Передача инсайдерской информации возможна и на основании гражданско-правовых договоров (организационных договоров об участии в торгах, банковских, аудиторских соглашений, договоров об оказании услуг по раскрытию информации и др.).

В.И. Сенчицев указывает на два признака, свойственных любому объекту гражданских прав: принципиальная возможность находиться в гражданском обороте и допущение объекта в оборот [4, с. 112]. Однако данные признаки относятся не к сущности объекта, а к его характеристике с точки зрения **оборотоспособности** и могут быть применимы не ко всем объектам гражданских прав. Информация – настолько уникальный объект, что и оборотоспособность её может пониматься по-разному. Инсайдерская информация должна быть раскрытой для неопределённого круга лиц. Раскрытая информация как объект гражданских прав становится не только свободной в обороте, но и приобретает способность влиять на гражданский оборот объектов гражданских прав и субъективных прав на них, создавая предпосылки для совершения сделок на организованном рынке.

Если же рассматривать инсайдерскую информацию с позиции возможности её передачи, то она является ограниченным в обороте объектом гражданских прав в соответствии с классификацией ст. 129 ГК РФ. Межотраслевое взаимодействие частного и публичного права здесь проявляется в том, что, ввиду наличия публично-правовых запретов на использование инсайдерской информации, её передача, в том числе на основании гражданско-правовых сделок, запрещена, за исключением ограниченного перечня случаев легитимной передачи. На гражданский оборот инсайдерской информации влияет система публично-правовых ограничений в отношении инсайдеров.

Таким образом, гражданско-правовое значение инсайдерской информации проявляется в том, что она характеризуется признаками:

- 1) экономической ценности, выраженной в возможности обеспечения имущественных интересов обладателей;
- 2) дискретности – возможности обособления инсайдерской информации по качественным и формальным критериям;
- 3) юридической привязки в виде субъективных гражданских прав инсайдеров;
- 4) интегрированности в систему гражданского права (системности);
- 5) легализации;
- 6) ограниченности в гражданском обороте.

Будучи объектом гражданских прав, инсайдерская информация имеет собственный гражданско-правовой режим, определяющий её правовое существование в системе гражданско-правовых отношений и осложнённый наличием межотраслевых связей. Установленные публично-правовыми нормами предписания в сфере обращения инсайдерской информации, в особенности юридические процедуры, ограничивают возможности инсайдеров, с одной стороны, и направлены на поддержание имущественных интересов инвесторов, с другой. Общая эффективность правового регулирования отношений, связанных с противодействием неправомерному использованию инсайдерской информации, достигается тогда, когда обеспечивается баланс интересов как инвесторов, так и самих инсайдеров. Дальнейшее развитие научной мысли в области исследования правового режима инсайдерской информации, как представляется, должно стремиться к тому, чтобы выявлять потенциал имеющихся правовых регуляторов в сфере обращения инсайдерской информации и предлагать новые эффективные правовые инструменты в регулировании соответствующих отношений.

Источники

- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 268-ФЗ // СЗ РФ. – 2015. – № 29. – Ст. 4394; Ч. 2: Федеральный закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; Ч. 3: Федеральный закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552; Ч. 4: Федеральный закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 5496.
- 149-ФЗ – Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.

- 224-ФЗ – Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4193.
- 231-ФЗ – Федеральный закон от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 29 июня 2015 г.). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902360437>, свободный.

Литература

1. *Чельшиев М.Ю.* Регуляторы в гражданско-правовой сфере: сущность правового явления // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 4. – С. 189–195.
2. *Михайлов А.В.* Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2015. – Т. 157, кн. 6. – С. 133–141.
3. *Гримм Д.Д.* К учению об объектах гражданских прав // Вестн. права. – 1905. – № 7. – С. 157–196; № 8. – С. 103–123.
4. *Сенчицев В.И.* Объект гражданского правоотношения // Актуальные проблемы гражданского права: Сб. ст. / Под ред. М.И. Брагинского. – М.: Статут, 1998. – С. 109–160.
5. *Чеговадзе Л.А.* Структура и состояние гражданского правоотношения. – М.: Статут, 2004. – 541 с.
6. *Белов В.А.* Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2007. – С. 6–77.
7. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974. – 351 с.
8. *Bierling E.R.* Juristische Prinzipienlehre: 5 Bde. – Freiburg im Breisgau; Leipzig; Tübingen: Mohr, 1894. – Bd. 1. – XI, 350 S.
9. *Кечекъян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 187 с.
10. *Ровный В.В.* Проблемы единства российского частного права. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1999. – 310 с.
11. *Иоффе О.С.* Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву: Сб. ст. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. – С. 21–64.
12. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: в 5 кн. – М.: Статут, 2011. – Кн. 1. – 847 с.
13. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт, 2016. – Т. 1 – 484 с.
14. *Чельшиев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2008. – 501 с.
15. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. – Тула: Автограф, 2001. – 719 с.
16. *Баринев Н.А.* Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – 32 с.
17. *Грибанов В.П.* Интерес в гражданском праве // Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – С. 234–244.
18. *Богатырев Ф.О.* Интерес в гражданском праве // Журн. рос. права. – 2002. – № 2. – С. 33–43.
19. *Ахмадуллина А.Ф.* Анализ легальной дефиниции «инсайдерская информация»: теоретико-правовые и практические проблемы // Информац. право. – 2014. – № 4. – С. 24–28.

20. Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – С. 59–288.
21. Ахметьянова З.А. О видах вещных прав и их системе // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 4. – С. 88–99.
22. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д, 2002. – 537 с.
23. Богданов В.М. Информация как объект гражданских прав: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 187 с.
24. Арсланов К.М. Абсолютные отношения в составе гражданского права // *Advances in Law Studies*. – 2014. – V. 2, No 2. – P. 69–76.
25. Ахмадуллина А.Ф. Правовые стимулы и ограничения в правовом регулировании противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации // *Юрист*. – 2015. – № 12. – С. 33–38.
26. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юрид. лит., 1975. – 263 с.
27. Перспективы развития гражданского законодательства в России: планы и современные реалии [Интернет-интервью с Е.А. Сухановым, заведующим кафедрой гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова, заместителем председателя Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, д.ю.н., профессором] // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov/>, свободный.
28. Синайский В.И. Русское гражданское право: в 2 вып. – Киев: Прогресс, 1917. – Вып. 1. – 262 с.
29. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление: Очерки теории, философии и психологии права. – Душанбе: Дониш, 1983. – 256 с.

Поступила в редакцию
08.02.16

Ахмадуллина Азалия Фаридовна, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: azochka00@mail.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 2, pp. 359–371

Insider Information as Object of Civil Rights

A.F. Akhmadullina

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: azochka00@mail.ru

Received February 8, 2016

Abstract

The legal institution of insider information is currently developing in Russia. The insufficiency of comprehensive theoretical research in the sphere of insider information, legislative voids and collisions,

weak law enforcement potential give rise to many problems associated with the use of insider information and counteraction to its misuse. Modern researchers are mainly concerned with public and legal aspects of curbing insider trading violations without paying due attention to private property interests that underpin the corresponding regulation. The purpose of the paper is to reveal the civil nature of insider information by solving the problem of whether it has signs of an object of civil rights.

It is proved that insider information is an object of civil rights with restricted circulation, which is characterized by discreteness, judicial binding, systematicity, legalization, and ability to ensure property interests of its owners. In the course of the investigation, the essence of the individual civil right to insider information is considered by differentiating it depending on the type of legal relations in which it arises. Based on the results of the study, it is concluded that insider information is characterized by a special civil regime, which is complicated by inter-branch connections.

The revealed problem of civil and legal consequences for the late disclosure of insider information requires the establishment of legal liability of insiders for the corresponding violations. The efficiency of legal regulation of the relations associated with prevention of misuse of insider information is achieved when a balance between the interests of investors and insiders is provided.

Keywords: insider information, insider, object of civil rights, discreteness, judicial binding, systematicity, civil turnover

⟨ **Для цитирования:** Ахмадуллина А.Ф. Инсайдерская информация как объект гражданских прав // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 2. – С. 359–371. ⟩

⟨ **For citation:** Akhmadullina A.F. Insider information as object of civil rights. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 2, pp. 359–371. (In Russian) ⟩